

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Медицинской Типографіи.

1 3 2 0.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чшобы до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *сель* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Декабря 8 дня 1820 года.

*Цензоръ, Статск. Совѣт. и Кавалеръ Ив.
Тилковскій.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. ЛИТТЕРАТУРА.	
ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.	
Селико (<i>Африканская повѣсть</i>)	178.
Б. СТИХОТВОРЕНІЯ.	
На смерть Дюка де Берри	200.
Къ Деліи	207.
Тріолель Нашашѣ	209.
Эпиграммы	213.
СМѢСЬ.	
а) Музыка	214.
б) Обѣ иностранныхъ театрахъ	217.
в) Живопись и Ваяніе	222.
г) Музеумъ искусствъ въ Мадридѣ	—
д) Иностранная Литтература	226.
е) О странностяхъ ученыхъ	227.
ж) Разныя извѣстія	229.
з) Юпитерь Олимпійскій Фидія	231.
Политическія Новости	237.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

I. ЛИТТЕРАТУРА.

ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.

С Е Л И К О.

(Африканская повѣсть).

Изъ Флоріана.

Ни одна земля, кромѣ Африки, не производитъ шакого количества ядовъ, люпыхъ звѣрей, ядовитыхъ живошныхъ. То, что намъ нѣсколько извѣстно изъ Исторіи Марокка, Негровъ, Ардры, Яговъ и другихъ прибрежныхъ народовъ даже до страны Гомшенпоповъ, должно имѣть удивительное сходство съ Исторією львовъ, барсовъ и змѣй, споль достойныхъ раздѣлять сію знойную страну съ Королями—людододами, ошсылав-

шими на бойню пѣла своихъ плѣнниковъ *). Среди сихъ отвратительныхъ ужасовъ, среди сихъ кровожадныхъ чудовищъ, изъ коихъ одни продають своихъ дѣшей, другіе пожирають своихъ невольниковъ, можно найти иногда естественное правосудіе, истинную добродѣтель, постоянство въ скорби и великодушное презрѣніе къ смерти. Эти примѣры, сколь они впрочемъ ни рѣдки, должны возбудишь въ насъ вниманіе къ симъ униженнымъ существамъ; напомнишь намъ, что и они люди: такъ на безплодной степи два или три распѣнія, примѣченныя издали обрадованнымъ пупникомъ, увѣряють его, что онъ еще на земли.

Въ Королевствѣ Жуидскомъ, лежащемъ на берегу Гвинеи, за мысомъ Триконечнымъ, недалеко отъ города Саби, столицы сего Королевства, жила въ 1727 году бѣдная вдо-

*) См. путешествія (Филипса, Смита, Босмана, Барбота, Снельграва и письма Доктора Ламба, бывшаго долгое время плѣнникомъ Короля Дагомеи. Слѣдуя наиболѣе двумъ послѣднимъ писателямъ, изобразилъ я нравы и обычаи Негровъ Жуиды, безъ малѣйшаго увеличенія.

ва Дарина, мать прехъ сыновей, воспитанныхъ ею съ нѣжноспію, по счастію общемо въ Природѣ, но рѣдкою въ семь климатѣ, гдѣ дѣти починаются предметомъ торговли и продаются въ неволю своими жестокосердыми родителями. Старшій изъ сихъ сыновей назывался Губери, вторый Телуе, послѣдній Селико. Все шрое были добры и чувствительны; обожали нѣжную мать свою, которой болѣзненная старость поддерживалась только ихъ попеченіями. Все достояніе сего семейства заключалось въ одной хижинѣ, въ которой они вмѣстѣ жили, и въ небольшомъ полѣ, съ котораго собираемый мансъ сославлялъ ихъ пищу. Всякое утро, каждый изъ братьевъ отправлялся въ свою очередь на охоту, другой работалъ въ полѣ, прешій оставался съ матерью. Вечеръ соединялъ ихъ. Охотникъ приносилъ дичи, попугаевъ и нѣсколько соповъ меду; хлѣбопашецъ возвращался съ иньямами; остававшійся дома заботился о приготовленіи простаго ужина: всѣ они ужинали вмѣстѣ, стараясь усердно угождать матери; потомъ, получивъ ея благословеніе, ложились на со-

лему другъ подлѣ друга и предавались сну въ ожиданіи слѣдующаго дня.

Селико, младшій изъ бранцевъ, носилъ часто въ городъ первые плоды жапы, жертву бѣднаго семейства, въ храмъ главнаго бога ихъ спраны. Сей богъ, какъ извѣстно, есть большая змѣя, изъ роду именуемыхъ фешншами, копорыя не имѣютъ яда, не причиняютъ никакого вреда и, напопивъ, пожираютъ змѣй ядовитыхъ; онѣ споль уважаемы въ Жундѣ, что шамъ почищается за большое преступленіе убивать ихъ: опъ того число сихъ священныхъ змѣй размножилось до безконечности; въ городахъ, деревняхъ и внутри домовъ на каждомъ шагу встрѣчаются сіи боги, приходящіе дружелюбно ѣсть за споломъ своихъ почищателей; онѣ ложатся подлѣ ихъ печей, производятъ подобныхъ себѣ на ихъ поспеляхъ; и сіе благоволеніе почищается счастливейшимъ предзнаменованіемъ.

Между Неграми Жунды, Селико былъ самый черный, смачный и любезнѣйшій; онъ увидѣлъ въ храмѣ большой змѣи молодую Бериссу, дочь главнаго жреца, которая своимъ спаномъ, красотою и прилпностями

превосходила всѣхъ своихъ подругъ. Селико полюбилъ ее и—былъ любимъ: каждую Среду, день посвященный Неграми спокойствію и обязанностямъ Религіи, юный любовникъ ходилъ въ храмъ — и проводилъ день подлѣ дорогѣй Бериссы; онъ говорилъ съ нею о своей матери, о своей любви, о счастьи, которымъ будущъ наслаждашься, когда бракъ соединитъ ихъ. Берисса не скрывала отъ него своей радости въ ожиданіи блаженной минутой, и преспаръльый Фаруло, отецъ ея, одобрявшій связь сію, обнимая, обѣщаль вскорѣ наградить ихъ нѣжноспь.

Наконецъ желанное время приближилось. День свадьбы былъ назначенъ; мать Селико и два его брата уже пригошовили хижину для молодыхъ супруговъ; какъ знаменитый Труро-Аудаши, Король Дагомеи, коего быспрыя завоеванія прославили даже и въ Европѣ, вшоргнулся въ Королевство Ардры. Онъ испреблялъ жилищей и, приближаясь съ спрашнымъ войскомъ, остановился у большой рѣки, отдѣлявшей его отъ Короля Жуйды. Сей Государь, слабый и робкій, управляемый своими женами и вельможами, не думалъ прошивуставитъ войска по-

бѣдншело: полагая, что боги сей земли лучше защитятъ ее, онъ повелѣлъ собрать сколько можно болѣе змѣй фешшшей и привести ихъ на берегъ рѣки. Дагомей удивленный и раздраженный шѣмъ, что для сраженія ему противуспавяютъ живонныхъ, бросается съ своими воинами вплавь по рѣкѣ, достигая другого берега; и боги, оныхъ ожидали чудесь, изрубленные въ куски достались въ пищу побѣдителямъ. Тогда Король Жунды, не находя никакихъ средствъ къ спасенію, оставляетъ столицу свою и скрывается на отдаленномъ островѣ; а воины Аудаши *), разсѣявшись по его владѣніямъ, съ мечемъ и пламенемъ испребляли жашвы, города, деревни и умерщвляли безъ жалости всѣхъ шѣхъ, копорыхъ находили еще живыми.

Страхъ разсѣялъ малой оспашокъ жипелей, побѣгнувшихъ убійства: при брата, при появленіи побѣдителей, скрылись съ матерью своею въ лѣса. Селико не хотѣлъ оставитъ Дарину; но едва была она видѣ

*) Сія побѣда Труро-Аудаши, Африканскаго Чингисъ-Хана, одержана въ Маршѣ мѣсяцѣ 1727.

опасности, какъ шрепеща о Бериссъ, онъ полешълъ въ Саби узнашь о ея участи, спаси ея или вмѣспъ умерешъ. Саби уже былъ взяшь Дагомейми: улицы, обогренныя кровію, дома разграбленныя, разрушенный дворець Короля, храмъ змѣи, предспавляли дымящіяся развалины, усѣянныя разбросанными шрупамн, копорыхъ головы варвары, слѣдую своему обыкновенію, унесли съ собою. Несчастннй Селико, въ опчаяніи, желалъ смерши, и презиралъ ея, бросающъ въ толпу воиновъ, упившихся виномъ и кровію. Селико, пробѣгая по развалинамъ, искалъ Бериссу и Фаруло: призывалъ ихъ съ горестными воплями и не могъ узнашь тѣлъ любимыхъ ему людей, среди великаго множества обезглавленныхъ шруповъ.

Упошребивъ пяшь дней на сіи шщепныя изысканія и несомнѣваясь болѣе, что Берисса и опецъ ея сдѣлались жершвами сихъ злобныхъ Дагомеевъ, Селико рѣшился возвращашишься къ своей мапери. Онъ нашелъ ея съ брашьями въ шомъ лѣсу, въ копоромъ оставилъ. Мрачная скорбь его, спрашннй видъ, дикіе взоры ужа снули опечаленное семейштво. Дарина оплакивала свое не-

счастіе: она старалась ласкать своего сына; но онъ казался нечувствительнымъ къ утѣшенію, отказывался отъ пищи и, казалось, рѣшился умереть съ голоду. Губерн и Телуе не старались отвратить его отъ сего намѣренія убѣжденіями и ласками; но, показывая на прескверную мать, немьющую ни дома, ни хлѣба, ничего въ мірѣ, кромѣ дѣтей своихъ, спрашивали, не уже ли и при семь видѣ отъ не дорожишь жизнью.—

Селико даетъ обѣщаніе; онъ соглашается раздѣлять съ своими братьями нѣжныя попеченія, прилагаемыя ими о дряхлой матери. Они углубились въ лѣса, удалились еще болѣе отъ Саби, построили хижину въ отдаленной долинѣ и старались замѣнять охотою недоспашокъ въ маисѣ и овощахъ.

Лишенные луковъ, стрѣлъ и всѣхъ необходимыхъ вещей, коихъ не имѣли времени захватить, они вскорѣ почувствовали крайній во всемъ недоспашокъ. Плоды въ лѣсахъ были весьма рѣдки, ибо ужасное множество обезьянъ оспаривали ихъ у трехъ братьевъ. Земля производила только праву. Они не имѣли орудій для обрабатыванія полей и зеренъ для посѣву. Наспало

дождливое время и они почувствовали ужасъ голода. Бѣдная мать, спрадая на одрѣ изъ сухихъ лисшьевъ, не ропсала; но близка была къ смерти. Дѣши ея, изнуренныя голодомъ, не въ состояніи были ходить въ лѣса, опшвсюду зашопленные водою: они разспавляли сѣпи для лова маленькихъ пшичекъ, прилепавшихъ къ ихъ хижинѣ; и если случалось имъ поймать хопя одну, что бывало весьма рѣдко, ибо они не имѣли даже приманки, то приносили ее къ матери съ принужденною улыбкою; но—она не принимала ее, пошому что не могла раздѣлить сей ниши съ дѣшми своими.

Пропекло при мѣсяца безъ малѣйшей перемѣны въ семь ужасномъ положеніи. Принужденные наконецъ прибѣгнуть къ чемунибудь, братья спали совѣшовавшись тайно опъ Дарины. Губери, первый предлагаетъ опсправиться на берегъ и шамъ продать одного изъ нихъ первой Европейской Коншорѣ, а на сіи деньги купить хлѣба, маиса, орудій необходимыхъ для хлѣбопашества и всего, что нужно для прокормленія ихъ матери. Мрачное молчаніе было опшвомъ двухъ братьевъ. Навсегда разлучились

ся, сдѣлаюсь невольникомъ бѣлыхъ! сія мысль привела ихъ въ ужасъ. Кто будетъ проданъ? вскричалъ Телуе жалостнымъ голосомъ. Судьба рѣшишь, отвѣчалъ ему Губери; бросимъ при неровныхъ камня въ глиняной сосудъ, перемѣшаемъ ихъ, и пошь, кто вынетъ самый меньшій камень — пошь будетъ сей несчастливецъ. Нѣтъ, мой брата, прервалъ Селико: судьба уже рѣшила; она поспигла меня всѣми бѣдствіями: вы забыли, что я лишился Бериссы, и вы пошько воспрепятствовали мнѣ умереть, говоря, что я буду полезенъ моей матери. Сдержите ваше слово, настала минута; продайте меня.

Тщешно Губери и Телуе старались пропивиться великодушному намѣренію своего брата; Селико отвергалъ ихъ просьбы, опказался опъ мешанія жребія и угрожалъ имъ, что уйдетъ одинъ, если они не согласятся проводить его. Наконецъ положили, чтобъ Губери ошася съ матерью, чтобъ Телуе проводилъ брата своего до Голландской крѣпости, гдѣ, получа деньги за свободу своего брата, онъ возвратится съ нужными припасами. Во время сего условія, одинъ Се-

лико не плакалъ; но какъ трудно ему было скрывать слезы, когда надлежало оправдать мать, проспишься съ нею на вѣки, обнявъ ее въ послѣдній разъ и еще обманывать ее, увѣряя, что они идутъ только навѣстить прежнее ихъ жилище и посмопрѣть нелзя ли снова жить въ немъ. Хорошая шарушка повѣрила; однакожь не могла вырваться изъ объятий своихъ сыновей; спрашилась опасности, коей они подвергаются; и, по невольному предчувствію, послѣдовала за Селико, когда онъ скрылся изъ глазъ.

Два младшіе брата, которыхъ трудно было различить, кто изъ нихъ болѣе несчастливъ, прибыли скоро въ городъ Сабл. Убийство уже прекратилось, тишина начинала водворяться; Король Дагомеи, кронокій обладатель Государства Жуиды, желая учредить торговлю съ Европейцами, приглашалъ ихъ въ свои владѣнія. Многие Англійскіе и Французскіе купцы были допущены ко Двору Монарха, кою продавалъ имъ безчисленное множество невольниковъ и дѣлилъ между своими войнами земли побѣжденныхъ. Телуе скоро нашелъ купца, который предлагалъ ему сто ефимковъ за брата. Въ

то время, какъ онъ колебался и шрепешалъ, производя сію ужасную торговлю, звукъ трубы раздался на площади, и народный провозглашашель объявилъ громкимъ голосомъ, что Король Дагомеи обѣщаетъ чешыреспа унцій золота тому, кто доставитъ живымъ неизвѣснаго Негра, который въ прошедшую ночь осмѣлился проникнуть въ сераль Монарха и скрылся на зарѣ, будучи преслѣдуемъ спрѣлами спражей.

Селико слышавъ сіе объявленіе, даетъ знакъ Телуе неоканчивать торга съ купцомъ и, отводя брата своего въ спорону, пвердымъ голосомъ говоритъ:

„Ты долженъ продашь меня; я эшого желаю, для продолженія жизни моей матери; но малая сумма, предлагаемая симъ бѣлымъ не обогатитъ ее. Чешыреспа унцій золота доставятъ навсегда счастье Даринъ и вамъ; надобно получишь ихъ, любезный братъ, свяжи меня и предспавь къ Королю какъ виновника, котораго онъ ищетъ. Не спрашись, я знаю какъ и ты, какая казнь меня ожидаетъ; она продолжится не болѣе часа: ко-

гда машь моя произвела меня на свѣтъ, она долѣе спрадала.“

Телуе шрепеша, не могъ ему опивѣчашь; объящый спрахомъ, нѣжноспию, онъ падаешъ на колѣни, обнимаешъ его, умоляешъ именемъ мащери, именемъ Бериссы, всемъ, чпо для него любезно, опказашься опъ сего ужаснаго намѣренія. О комъ говоришь пы мнѣ? опивѣчаешъ Селико съ горькою улыбною. Я лишился Бериссы, и хочу соединись съ нею; я спасаю машь мою мою смерпию, содѣлываю брашьевъ моихъ навсегда богашьми и избавляюсь неволи, копорая можешъ продолжись сорокъ лѣшь. Жребій мой рѣшенъ; не пропивься мнѣ болѣе, или я самъ предамъ себя. Ты поперяешъ плоды моей смерпи и причинишь несчастіе той, копорой мы обязаны жизнию. Успрашенный видомъ, голосомъ, съ копорымъ Селико произнесъ сіи послѣдніа слова, Телуе не смѣешъ возражашь: повиуешся своему брашу, связываешъ ему руки, обливаешъ его слезами, завязывая узлы; и, сопровождая, идешь во дворець Короля.

Удержанный первыми спражками, онъ просишь дозволенія, говоришь съ Королемъ.

Докладываютъ объ немъ—и онъ былъ допущенъ. Король Дагомен, въ одеждѣ покрывшій золотомъ и драгоценными каменьями, поколся на алой софѣ, преклоня голову къ грудямъ своихъ женъ, одѣтыхъ въ златополканыя парчи и опъ пояса до головы обнаженныхъ Миниспры, вельможи, полководцы, великолѣпно одѣтые, были распростерты въ двадцати шагахъ опъ Короля; храбрѣйшіе оплячались ожерельемъ изъ человеческихъ зубовъ, изъ которыхъ каждый означалъ побѣду *); множество женщинъ, съ ружьями на плечахъ, сполли у дверей комнаты; большіе золотые сосуды, наполненные пальмовымъ виномъ, водкою, крѣпкими шипіями, находились не въ дальномъ разстояніи опъ Короля, и зала была вымощена черепами неприятелей **).

„Повелитель свѣша! говоритъ ему Телуе преклонивъ голову къ земли, я пришелъ, въ исполненіе твоихъ священныхъ повелѣній, предашь въ твои руки. . . .“ Онъ неоканчиваетъ, голосъ замираетъ на устахъ его.

*) Histoire des voyages, Tome III, page 58.

***) Voyage d'Atkins. и проч.

Король спрашиваетъ; онъ не можетъ отвѣчать. Тогда Селико начинаетъ говорить:

„Король Дагомеи, сказалъ онъ, ты видишь предъ собой виновнаго, котораго будучи увлеченъ пагубною любовью, проникъ въ прошедшую ночь во внутренность пивого серала. Обвинишь мой былъ долгое время моимъ другомъ, и я не спасался ему въ ризь мою шайну. По усердію къ тебѣ, онъ измѣнилъ дружбу, схватилъ меня во время сна, связалъ и пришелъ просить у тебя награды: повели выдать ему обѣщанное золото; несчастный заслужилъ его. Король, не удостоивъ его отвѣтомъ, даетъ знакъ одному изъ вельможъ, котораго беретъ виновнаго, отдаетъ его вооруженнымъ женщинамъ и вручаетъ Телуе чепыре-спанцій. Несчастный, обремененный золотомъ, къ которому прикосновеніе приводитъ его въ ужасъ, бѣжитъ купить припасы и поспѣшно удаляется изъ города.

Уже по повелѣнію Монарха приговорилась ужаснѣйшая казнь, которою въ Жуидѣ наказываютъ невѣрность Королевскихъ женъ. Вырыты два большіе рва не въ дальномъ одинъ отъ другаго разстояніи.

Во рвѣ, назначенномъ для виновной супруги, привязываютъ несчастную къ столбу; и всѣ жены серала, въ богатѣйшихъ одеждахъ, неся большіе сосуды, наполненные кипящею водою, идутъ при звукѣ трубъ и флейшъ изливать сію воду на голову виновной до тѣхъ поръ, пока она умретъ. Въ другомъ рвѣ приготовленъ костеръ, на кошорой кладутъ длинную желѣзную перекладину, поддерживающую два высокіе столба: къ сей перекладинѣ привязываютъ преступника, до кошораго едва касается пламя; и онъ погибаетъ такимъ образомъ въ продолжительныхъ мученіяхъ.

Площадь была наполнена народомъ. Войско, составлявшее четверугольникъ, вооружено было ружьями и копьями. Жрецы, въ торжественномъ облаченіи, ожидали двухъ жерпвъ смерти; виновные шли съ разныхъ сторонъ, сопровождаемые вооруженными женщинами. Селико, спокойный и преданный судьбѣ, шелъ съ возвышенною головою; приближась къ столбу, онъ бросилъ взоръ на участницу своего несчастія. Какое было его удивленіе, какая горестъ, узнавши Бериссу! онъ испускаетъ крикъ, хочетъ

бросишься къ ней; но палачи его удерживаютъ. Вскорѣ сіе первое движеніе уступило негодованію. „Несчастный! говоришь онъ самъ себѣ, между тѣмъ какъ я ее оплакивалъ, между тѣмъ какъ я искалъ смерти, въ надеждѣ соединиться съ нею, она находилась въ числѣ эпѣхъ гнусныхъ наложницъ, опровергающихъ сердце пирана! Измѣнивъ любви, она сдѣлалась невѣрною своему властителяю; она заслужила имя пресупницы и наказанія, ей назначеннаго! О! моя родительница, за одну тебя умираю; о тебѣ одной желаю помышлять.“

Въ эту минуту несчастная Берисса, узнавшая Селико, испускаетъ крикъ, призываетъ жрецовъ, и громкимъ голосомъ объявляетъ имъ, что молодой человекъ, обрекаемый ими на смерть, не шопъ, кошорый проникъ въ сераль; она клянется въ томъ предъ лицомъ Неба горами, громомъ и всеми ужаснѣйшими фепишами. Изумленные жрецы, останавливаютъ жертвоприношеніе и спѣшатъ извѣстить Короля, кошорый самъ является на площадь.

Гнѣвъ и негодованіе избражались на лицѣ Монарха, когда онъ приближался къ Бе-

риссъ: „невольница! сказала онъ грознымъ голосомъ, ты, кошорая опшвергнула любовь швоего власпишеля, ты, кошорую хопъль я имъшь первую моею супругою и кошорой я дароваль жизнь, не смопря на опказъ, въ чемъ состоипшь швое намъреніе, осмълясь опшвергашь пресшупленіе швоего сообщника? Уже ли надъешься спасши его? Если онъ не любовникъ швой, шо назови мнъ виновнаго, женщина пресшупная! предай его моему правосудію—и невинный будешь освобожденъ.“

Король Дагомен, опвъчаешь Берисса, прикованная уже къ роковому сполпу, я не могла приняшь даръ швоего сердца, пошому что мое уже болъе мнъ не принадлежало; я не спрашусь объ эшомъ сказашь шебъ. Уже ли ты думаешь, что та, кошорая не могла обманушь шебя, будучи прельщаема раздълишь съ шобою пресполь, можешь обманываешь, будучи гошова умереть? Нъшь, я призналась во всемъ,—и возобновляю мои признанія. Одинъ человекъ въ эшу ночь проникнулъ въ мои комнашы, и вышелъ уже на заръ: но эшопъ человекъ не шопъ, кошораго ты обрекаешь на казнь. Ты шре-

буешь, чѣмъ я объявила его имя; я недолжна и не хочу. Я гошова умереть! знаю, что не могу избѣгнутьъ смерти и продолжаю сіи ужасныя минуты для того только, чѣмъ отвратишь себя отъ преступленія. Я снова клянусь тебѣ, Монархъ, кровь сего невиннаго проліется на главу твою. Вели освободить его—и накажи меня. Больше ничего не оспаеться мнѣ сказать тебѣ.

Король былъ пораженъ словами Бериссы и голосомъ, которымъ она произносила ихъ; онъ ничего неприказывалъ, преклонилъ голову и удивлялся тайному обращенію на сей разъ къ пролитію крови. Но размысливъ, что Негръ самъ себя обвинилъ, приписывая любви участіе, принимаемое въ немъ Бериссою, Король снова воспылалъ яростию. Онъ даетъ знакъ палачамъ: кострець воспламеняется, женщины идутъ съ сосудами, наполненными кипящею водою, какъ вдругъ, запыхавшійся спарецъ, покрытый ранами и пылью, пробивается черезъ толпу и падаетъ къ ногамъ Короля.

Остановись, говоришь онъ ему, остановись; я виновникъ, я проникъ въ стѣны

твоего ссраля, для изхищенія изъ него моей дочери. Я прежде былъ жрецомъ бога, здѣсь обожасмаго: дочь мою изшоргли изъ рукъ моихъ и увели во дворець швой; въ продолженіи сего времени я искалъ случая съ нею увидѣваться. Въ эту ночь я достигъ до нее. Тщешно старалась она за мною слѣдовать; стражи швой насъ примѣтили; я скрылся, будучи преслѣдуемъ спрѣлами; ты видишь раны мои. Я пришелъ возвративъ тебѣ швою жершву, пришелъ умереть съ шюю, для кошорой шолько желалъ жить.

Онъ еще не окончилъ, какъ Король повелѣваетъ жрецамъ своимъ освободить двухъ несчастныхъ, и предшавить къ нему. Онъ спрашиваетъ Селико, желаетъ знать, какое сильное побужденіе принудило его искать споль бѣдспвенной казни. Селико, кошорого сердце шрепешало отъ радости, нашедъ Бериссу вѣрною, неуспрашилъ открыть все Монарху: онъ рассказываетъ ему о своихъ несчастіяхъ, о бѣдноспи своей матери и о намѣреніи получить для нее чешыре сна унцій золота. Берисса, опецъ ея, слушала, проливая слезы удивленія; начальники, вонны, народъ—были въ умиленіи;

у Короля на глазахъ показались слезы, кои никогда не омочали лица его: такова прелесть добродѣтели! сами варвары уважають ее!

Выслушавъ Селико, Король простираетъ къ нему руку, поднимаетъ его и, обратясь къ Европейскимъ купцамъ, привлеченнымъ симъ зрѣлищемъ: „вы, говоритъ онъ, кои къ мудрости, опытности и долговременное просвѣщеніе научили знать цѣну людей, скажите, чего стоить эпонъ человѣкъ?“—Купцы успыдились сего вопроса. Молодой Французъ, будучи смѣлѣе прочихъ, вскричалъ: десять тысячъ сфимковъ золота. „Даю ихъ Бериссѣ,“—опвѣчалъ немедленно Король: „пускай съ эпѣми деньгами она не купитъ, но будетъ женою Селико.“—Послѣ сего повелѣнія, щотчасъ исполненнаго, Король Дагомеи удалился, удивленный чувствомъ удовольствія, которое еще не было ему извѣстно.

Фаруло въ сей же день выдалъ дочь свою за Селико; молодые супруги, въ сопровожденіи старца, отправились на другой день съ сокровищами къ Даринѣ. Она едва не лишилась жизни отъ радости, такъ какъ и

братя Селико. Сіе добродѣтельное семейство болѣе неразлучалось, наслаждалось богатствомъ, и въ странѣ варваровъ служило долгое время прекраснѣйшимъ примѣромъ, какой Небо можеть послать на землю—примѣромъ счастья и изобилія, произведеннаго одною добродѣтелію.

П. Б—вб.

Б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА СМЕРТЬ ДЮКА ДЕ БЕРРИ.

Се буря мрачная, ужасна
Губишь, издревле чпо цвѣло!
Душиста лилія прекрасна
Склонила вдругъ къ землѣ чело.
Се вѣшвъ ея межъ розъ кустами,
Зефирозъ нѣжима крылами,
Средь лѣта зрѣлой красоты,
Со стебля рано посѣченна,
И бѣлизны и силъ лишенна,
Упала къ корню на цвѣпы.

Наукой суешной кичливы
 Корысти дерзопны рабы,
 Прі-мля спрассти прихопливы
 Опредѣленіемъ Судьбы;
 Стропливой покоряся волѣ,
 Всегда ль, забывъ о славной долѣ,
 Какъ звѣри хищны по лѣсамъ,
 За жертвой будете скипашься
 И кровью ближняго питашься
 Европы славной по градамъ?

*

Иль въ крайнемъ буйствѣ вы гоповы
 Прейши возможнаго предѣль,
 Лунѣ пужи назнача новы,
 Успроишь чинъ небесныхъ шѣль;
 Хопите вы, плодя раздоры,
 Съ подошвы срывъ кремнисты горы,
 Всю землю въ лугъ преобращишь;
 Дашь небу и землѣ уставы,
 И древни памятники славы
 Корысти подъ пяшой сокрышь.

*

Родила зависть всё крамолы
 На святость мирныхъ Олтарей
 И на блистательны Престола
 Благотворительныхъ Царей;
 Коварное направля око
 На Вѣры таинство глубоко,
 Премудрости на чистый свѣтъ,
 Она вѣщала: „Духъ свободы
 „Вполнѣ да озаритъ народы;
 „Они всё брашья: скиппра нѣтъ.“

*

Подъ лешнымъ призракомъ коварства
 Войною зависть попекла,
 Корысть за нею, для богапства,
 Кровавы рѣки пролила;
 Мѣста, спрадальцамъ посвященны,
 Лучами Вѣры озаренны,
 Обипели наукъ, искусствъ,
 Омары злобные шерзали,
 Разрушитъ въ наглости дерзали
 Союзъ любви, сбѣпы чувствъ.

*

О даръ! высокій даръ Природы,
 Благоволеніе Небесъ,
 Несокрушимый духъ свободы
 Не можешь быть виною слезъ.
 Ни чьей напасти не алкая,
 Обильно всюду изливая
 На ближнихъ яркій свѣтъ любви,
 Ты спраждешь, слыша бѣдныхъ споны;
 Чтя человѣчества законы,
 Не моешь рукъ своихъ въ крови.

*

Тебѣ любовь и миръ прелестны,
 Ты звукомъ славы не прельщенъ;
 Хранишь свои права небесны
 Среди несчастливыхъ временъ.
 Блюспишель испины, законовъ,
 Не воспрепещешь и Нероновъ,
 По сердцу говоряшь уста;
 Возстануть ли жрецы, кумиры,
 При спукѣ во главу сѣкиры,
 Ты проповѣдуешь Христа.

*

Мнѣ скажетъ зависть: что законы
 Земную истину гласящъ,
 Гдѣ право получили проны
 И жизнь и смерть опредѣляющъ...
 Но кто, вѣщай даль хищнымъ волю
 Рѣшишь гражданъ священну долю?
 Природа, гласъ Царей, иль честь,
 Зря без-оружну колесницу,
 Призвали мятежа десницу,
 На челоука мечъ вознесъ?

*

Не Вѣры гласъ, не гласъ Науки
 Влекущъ къ жестокости сердца;
 Но страсти ополчили руки
 На брата, сына и отца.
 Среди мечпашельна равенства
 Всѣ ищущъ въ хаосѣ блаженства,
 Рекущъ: стени вселенна вновь,
 Мы, грознымъ адомъ воскормленны,
 Падемъ въ бездонну хлябь геэнны,
 Но взыщемъ золото и кровь.

✱

Иль слѣпы мудроспи очами
 Блескъ солнечный безъ чувства зримъ,
 Цѣлебныхъ водъ передъ ключами,
 Не жаждя ихъ, вкушать споимъ;
 Природы пламенное око,
 Свѣспильникъ неба, ставъ высоко,
 Живоворенья духъ лѣпшъ;
 Текутъ въ эфирѣ звѣзды спройно,
 Одно коварство безпокойно
 Священный узлъ порядка рвешъ.

*

Иль своевольною судьбою
 Мы пресмыкаемся въ пыли.
 Ахъ, нѣшъ! мы правимся рукою
 Творца и неба и земли.
 Давно ль, давно ли ясно зрѣли
 Какъ змѣи люпыя шипѣли;
 Давно ль мечъ пламенный Небесъ,
 За поруганіе закона,
 Съ высотъ низринулъ Фазсона
 На дикій каменный утесъ.

*

Давно ли кропоспъ въ багрянницѣ,
 Съ вѣнцемъ побѣднымъ на челѣ
 И съ вѣшью масляной въ десницѣ,
 Врачуя скорбь, забывъ о злѣ,
 Среди поржеспвенна чершого
 И человѣчества и Бога,
 Проспила буйспвенныхъ враговъ,
 Возспановила миръ, законы,
 Взнесла и Олшари и проны
 Подъ сѣнь паинспвенныхъ сполповъ.

*

Разсудекъ, вѣра — дерзкой волѣ
 Себя не могушь покорить.
 Приспойно ль міра на престолѣ
 Успами правды ей гласить?
 Се Неспоръ съ лиліей священной,
 Напасни чувспвомъ озаренный,
 Самъ жерпвой былъ жеспокихъ золь:
 Зрѣлъ кровь ліющуся рѣкою;
 Вновь мудрой оградишь рукою
 Свое и Царспво и престоль.

Графъ Хвостовъ.

Гдѣ ты въ объятіяхъ счастливица прелепала,
Гдѣ я мгновенія воспоргами считала!.....

Ахъ! скоро ли опянь изъ шумной и огромной
Столицы Сѣвера, о мой безцѣнный другъ!

Нечаянно въ швой домикъ скромной
Предстанешь нѣжный швой супругъ?..

К. Р — еб.

Т Р И О Л Е Т Ъ

Н А Т А Ш Ъ.

Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ,
Чтобы Наташу нелюбиль!

Чтобъ, зря ее, быть равнодушнымъ,

Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ.

Я сердцу вѣчно былъ послушнымъ,

Такъ какъ же мнѣ не говорить:

Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ,

Чтобы Наташу нелюбиль!

К. Р-вѣ.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Д А М О Н Ё.

Спѣшу тебя почпннть я пѣсню моею,
Коль самъ Гомеръ воспѣлъ лягушекъ и мышей!!

2.

А.

Одиннадцать часовъ, и пы ужъ за споломъ!

Б.

Я къ Скрягину иду обѣдашь во вѣпоромъ!

Г. К.

3.

Всѣ (фоку мельника лѣннвымъ называющъ;
А сколько мелешъ онъ въ госпяхъ—шого незна
ющъ!

И. С.

С М Ъ С Ь.

а) МУЗЫКА.

Парижъ. Карль Блюмъ, Королевско - Прусскій театральный Компонистъ, прїѣхаль въ Парижъ, и принялъ на себя должность Капельмейстера при одномъ изъ Парижскихъ Театровъ.—Въ Германіи онъ довольно извѣстенъ своими композиціями, какъ то: Schiffscapitain и Rosenmädchen и многими другими, вокальными и инструментальными сочиненіями.

Г. Дюмушель младшій, извѣстный виртуозъ на фортепiano, ѣдетъ въ Москву съ своею матерью, которая такъ же отлична играетъ на арфѣ. Сіи артисты давно извѣстны Россіи и имѣли честь заслужить лестную похвалу отъ знакоковъ обѣихъ столицъ.

Незаслуженная обида со стороны публики и дирекціи Итальянскаго театра, заставила отличнаго пѣвца Порто просидѣть съ Париж-

скою публикою. Онъ ѣдетъ теперь въ Ипалію. — Ипальянскій театръ перяеть чрезъ по превосходнаго баса; Порто одинъ только умѣлъ играть Лапореллу въ Донъ Жуанъ, и въ полной силѣ удовлетворялъ знапоковъ на счепъ превосходства этой партіи. Замѣчено, что между Арпистами, составляющими оркестръ театра Porte Saint Martin, Г. Ковиль (первая скрипка) заставляеть каждый вечеръ публику аплодировать себѣ смѣло и благородною игрой. — Оркестръ сего театра управляется такъ же весьма хорошимъ Капельмейстеромъ Г. Шашанемъ.

Римъ. На театрѣ Valle давали недавно бессмертное твореніе Чимарозы, *Il Matrimonio Segreto*. — Зала наполнена была обожателями Чимарозы. Сладчайшая мелодія, которая царствуетъ въ этомъ твореніи, богатство композиціи, согласіе и превосходство пѣвцовъ и оркестра, все соединено было, чтобы усладить нѣжный слухъ Ипальянцевъ и сознапья, что только въ опечесствѣ пѣнія можетъ эта опера быть разыграна съ хорошимъ успѣхомъ. Публика въ энтузіазмѣ пребовала на сцену компониспа, открылась занавѣсъ, и бюспъ великаго Чимарозы, украшенный лаврами, явился на сценѣ.

Миланъ. Маргарита Анжуйская, опера (*Semiseria*) представлена была въ первый разъ на

театръ a la Scala, музыка сочин. Маейрбера, сына богатого Берлинскаго банкира. Она заслужила всеобщую похвалу Миланцовъ.—Пѣвцы Тачинарди, Васси, Гжа Пиллигрини, были всякой разъ съ громкимъ рукоплесканіемъ вызываемы на сцену, шакъ же и молодой арпистъ Г. Левассеръ, который получилъ большое образованіе въ пѣніи и намѣренъ чрезъ нѣсколько времени ѣхать въ Парижъ и вступить тамъ на Королевскій Итальянскій театръ.

Франкфуртъ на Майнѣ. Г. Друэпъ, пріѣхавшій изъ Парижа, давалъ здѣсь два концерта. Игра его на флейтѣ приводилъ всѣхъ слушателей въ энтузіазмъ.—Онъ далъ своему инструменту усладительныя тоны гармоникки, имѣетъ удивительную проворность въ быстрыхъ пассажахъ, вѣрную и благородную игру. Почему всѣ называютъ Друэпа Крестченпиномъ на флейтѣ. Короче сказать, инструментъ его совершенно подобенъ Золовой арфѣ, потрясаемой легкимъ зефиромъ.—Друэпъ опъсюда поѣдетъ въ Веймаръ, Лейпцигъ, Берлинъ и въ Шпербургъ.

Жители нашего города наслаждались 24 Ноября превосходнѣйшимъ концерномъ, который давалъ отличнѣйшій виртуозъ Шюръ, вмѣстѣ съ своею супругою.—Концертъ начался Симфонією, сочин. для Лондонскаго Филармоническаго Общества симъ знаменитымъ Композиторомъ. Ве-

личесственный спиль, прелестная мелодія, паразительные модуляціи и переходы, превосходное и, можно сказать, классическое положеніе инструменшовъ, — всё даетъ право Г. Шпору быть первымъ въ семь родѣ сочиненій.—Романтика и Гуморизмъ—вошь два свойства, которыми Шпоръ совершенно опличается опъ всѣхъ другихъ Компонисшовъ.

б) ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРАХЪ.

Флоренція. Работы надъ новою залою *Театра Гольдони* окончаны; опкрытіе оной было великолѣпно, и началось иллюминаціею и маскарадомъ. Зала опдѣлана превосходно и соединяетъ въ себѣ спрогую пропорціональность, съ изящнымъ вкусомъ новой Архитектуры. По части живописи, копорою украшенъ плафонъ, галлерей и аванъ-сцена, прудились первѣйшіе Итальянскіе художники.

Римъ. На театрѣ *Valle*, Гаспаръ Леонези, знаменитый Итальянскій импровизаторъ давалъ 24 Декабря представленіе. — На заданные сюжеты онъ импровизировалъ двѣ эпическія пѣсни, сцены изъ трагедіи и проч. Стихи были разныхъ размѣровъ, но оканчивались всегда римами. — Онъ такъ же импровизировалъ и комическіе сюжеты. Это искусство, копорое принадлежитъ исключительно Итальянцамъ, есть обыкновенно между поэтами ихъ націи;

каждый обѣдъ, балъ, или вечеринку украшаютъ всегда импровизаторы.—Со всѣмъ пѣмъ Пегасъ ихъ часто упрямился, они не оканчивають періодовъ; дѣлають однообразныя сравненія, но не мѣшаюся въ словахъ и до конца піэсы сохраняють поэтической жаръ вдохновенной Пиги.

Парижъ. Для возобновленія Большой Оперы, работають теперь день и ночь около 1100 человекъ, чпобъ дать великолѣпное представленіе въ Salle Favart. — Первая піэса, назначенная для сего театра, есть *La lampe merveilleuse*, въ которой воздвигнушь будешь храмъ солнца. — Одинъ журналъ совѣщаетъ зрителямъ, заранѣе имѣть при себѣ теліоскопы,—инструментъ, который употребленъ былъ Парижанами во время солнечнаго затмѣнія. Между пѣмъ, не смотря на возстановленіе Большой Оперы—поданы новыя просьбы Правительству о заведеніи чепырехъ новыхъ театровъ, хопя на тринадцати бываетъ ежедневное представленіе.

Первый Французскій театръ почелъ за нужное увеличить плашу на мѣста: ложи и галереи, чпобъ удовлетворить непомѣрнымъ требованіямъ Тальмы и Гжи Марсъ. — Парижская публика приняла въ эпомъ большое участіе; знатные и богачи хвалять это повышеніе, за то средній классъ народа, опъ малаго до стараго, ругають безъ пощады Тальма и Гжу Марсъ.

Они оба недавно были освиспаны партерными наприютами. Мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о гордости и самолюбіи этой драматической кокешки: — Марсь присвоила себѣ исключительное право выбирать піэсы, для своего представленія, вся труппа согласуется съ ея волей и капризами. — Ни кто не заставитъ ее играть въ ночь самый вечеръ на Французскомъ театрѣ, когда въ Большой Оперѣ дають великолѣпное представленіе; потому что опличная публика посѣщаетъ тогда Salle Favart, и дѣвица Марсь не захочетъ получать рукоплесканія отъ безсмысленной черни. Такимъ же образомъ она не выйдетъ на сцену, ежели за день предъ симъ поржествовала Дюшенуа въ Гофоліи. Публика, услажденная воспоминаніемъ о сей единственной трагедіи, на другой вечеръ не съ такимъ энтузіазмомъ принимаетъ Гжу Марсь и менѣе аплодируетъ ея таланту. Однимъ словомъ, эта актриса употребляетъ всевозможные обороты, чтобы произвести большое впечатлѣніе на зрителей, какъ игрою, такъ и привлекательной своей наружностію.

Между новѣйшими водевилями, *Dougres et Calais* имѣлъ опличный успѣхъ на театрѣ *Varietés*. — Въ немъ, какъ и вездѣ, Французъ желали посмѣяться на счетъ Англичанъ, которыхъ представляютъ въ каррикатурахъ, и показать, что

они имѣють преимущество предъ симъ народомъ. Одинъ журналъ, разсуждая о шенарльскихъ гоненіяхъ на Брипанцевъ, сказала: скоро ли мы избавимся отъ свѣчнаго Англичанина! (*Anglais eternal*). Сюжетъ Водевиля *Douvres et Calais* состоить изъ двухъ дѣйствій. Первое происходитъ въ Дуврѣ; молодой Французъ Бленваль прѣзжаетъ въ Англію, чѣмъ въ Лондонѣ соединиться бракомъ съ одною прелестною Миссъ. — Въ томъ самомъ пракширѣ, гдѣ состоялся нашъ герой, случился одинъ Лордъ, пріятель сего молодого Француза. Брипанецъ ѣдетъ въ Кале, и беретъ отъ Бленваля рекомендацельныя письма въ Парижъ. По отъѣздѣ Англичанина, Бленваль узнаеть спѣ людей, чѣмъ его пріятель сѣлъ на корабль съ одною дѣвицей, которую онъ увезъ изъ Лондона. По нѣкоторымъ распросамъ, бѣдный любовникъ узнаеть о своемъ несчастіи: коварный Брипанецъ похищилъ его невѣсту. Бленваль лѣпшишь обратно въ Кале, наряжается въ платье полицейскаго Коммиссара, и, явсь къ вѣроломному пріятелю, спрашиваетъ: „Съ какимъ видомъ пріѣхалъ онъ на Французскій берегъ?“ Милордъ, похищая чужую невѣсту, не помышляль о пропускахъ за границу, смѣшался въ словахъ и не могъ удовлетворить требованію грознаго Коммиссара. Бленваль предлагаетъ скрыть имя бѣдному Англичанину и, чѣмъ избѣжать дальнихъ

поисковъ Полиціи, соѣзпуетъ ему заступителъ мѣсно слуги его. Милордъ съ салфеткою въ рукахъ прислуживаетъ за столомъ Французу, и видя какъ проклятый Коммиссаръ цалуетъ прелестную Миссъ, не можетъ удержаться отъ гнѣва. Бленваль грозитъ опкрыть поступокъ Брипанца, который спрашася ареста — скрывается въ ночь же день изъ дому; но его находятъ у сосрадастельныхъ сосѣдей — и запираютъ въ опдѣленную комнапу. Между тѣмъ Бленваль зоветь Нотариуса, въ глазахъ заключеннаго совершаетъ свадебный конпактъ и женится на прелестной Миссъ. — Симъ оканчивается мщеніе Француза, который опкрываетъ свою хитрость и поржествуетъ надъ обманутымъ Брипанцемъ.

Водевиль заключается куплетами, гдѣ Милордъ изчисляетъ все уроки Французовъ, данные симъ гордымъ островитянамъ — на счетъ искусства, обхожденія и самой храбрости.

— Знаменипый Англійскій актеръ Кембель, другъ Тальма, пріѣхалъ въ Парижъ единственно за тѣмъ, чтобъ быть при представленіи Гофоліи. Присутствіе Кембеля воспламенило еще болѣе великаго артиста, и Тальма игралъ роль Іоадоа превосходно. — Восхищенный Англичанинъ сказалъ подлѣ сидѣвшему сосѣду: „Il est beau com-
me Jsaie!“

в) ЖИВОПИСЬ и ВАЯНІЕ.

Въ Римѣ недавно оппечатанъ превосходный эстампъ композиціи славнаго Ишальянскаго живописца Камучини, гравированный извѣстнымъ художникомъ Пепромъ Башпелино. Онъ представляетъ: великолѣпные чертоги Августа, украшенные различными барельефами; въ двухъ нишахъ поставлены изображенія Агриппы и Марцелла.—Въ срединѣ залы, на шронѣ сидитъ Августъ, на правой споронѣ его супруга, на лѣвой сестра Императора — Октавія. Пламенный Виргилій, украшенный лаврами и одѣтый въ Римскую тогу, стоитъ предъ Императоромъ; въ рукахъ его Энеида: *Heu, misirande puer! Ti qua fata aspera rumpes, Tu Marcellus eris ect;* сказалъ громогласно поэтъ, и Октавія въ безпамятствѣ упадаетъ на руки Августа. Вопль минута, мастерски выраженная въ каршинѣ! свѣтъ прямо падаетъ на блѣдное лицо Октавіи; возвышенный стиль, превосходное положеніе лицъ, богатство композиціи, — однимъ словомъ, знаменитый Башпелино въ своемъ эстампѣ соблюлъ всѣ прелести сей картины.

г) МУЗЕУМЪ ИСКУСТВЪ въ МАДРИТѢ.

Столица Испаніи имѣетъ два Музеума: одинъ вообще для искусствъ, другой посвященъ единственно для живописи. Первый, называемый

St Fernando, помѣщается въ обширномъ зданіи, прилежащемъ къ Дуанскимъ Палапамъ и состоишь подъ начальствомъ Королевскаго брата, Инфанта Донъ Карлоса, собственннхъ трудовъ котораго находидся здѣсь цѣлое собраніе историческихъ картинъ. Бель-эпажъ, залы галлерей или анпресоли наполнены картинами разныхъ Школь, наиболѣе Испанской, Итальянской и немногими произведеніями Нидерландской.—Анпресоли имѣють большое собраніе гипсовъ, съ лучшихъ антиковъ древности; для образованія молодыхъ художниковъ, они имѣють болѣе полезны, потому что въ наспоющихъ оригиналахъ Испанія перпишь большой недостапокъ.

Сія галлерей, такъ же и залы нижняго эпажа опредѣлены для занятія художниковъ и для экспозиціи любителей и живописцевъ отечественныхъ, которая бываешь ежегодно въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.—Музеумъ имѣеть богатую библіотеку касательно изящныхъ искусствъ, которая находидся подъ вѣдѣніемъ ученаго и трудолюбиваго Секретаря Зеа-Бермудеса. Онъ издалъ недавно Лексиконъ изящныхъ искусствъ: „Diccionario de las bellas artes.“

Впорой новоучрежденный музеумъ имѣеть такъ же богатое собраніе картинъ и открышь для публики въ назначенные дни каждой недѣли. Сіе зданіе построено между алеєю Прадо и садомъ Репширо; прелеспная фасада его много

дѣлаешь украшенія первому гульбищу Мадрида. Музейъ былъ разоренъ во время нашествія Французовъ; но по повелѣнiю Короля возобновленъ въ печенiи 1820 года Маркесомъ де Санпа Круць, находящимся теперь Посланникомъ при Французскомъ Дворѣ. Фасада и оба флигели украшены богатой колонадой, копорая высѣчена изъ крупнаго гранита, (*Piedra berro quepa*). Главный корпусъ еще не совсѣмъ окончанъ, и Музейъ помѣщается теперь въ пространныхъ залахъ праваго флигеля.—Онъ средственной вышины, (чтобъ глазъ зрителя могъ свободно видѣть окружающiе предметы) и имѣетъ большiя свѣтлыя окна.

Первая зала поразишь входящаго иностранца, незнакомаго съ живописцами Испанской школы. Она вся наполнена опечесивенными произведенiями.—Вонъ Мурилло, копорого каршины есть сама натуря,—смотрише на эпого мальчишка, просящаго милоспишу, на превѣчнаго Младѣнца съ Марiей дѣвой: какое благородство и прелестъ.—Эпо не Рафаэль; но за шо и самъ бы Ванъ-Дикъ не могъ написать сей идеальной красоты!—Далѣе поражаетъ насъ сильная кисти Риберы, къ сожалѣнiю, не всѣмъ извѣстная въ Европѣ; Веласкець—быстрый въ огромныхъ своихъ картинахъ, копорый былъ другъ Филиппу IV; оригинальность его болѣе состоитъ въ манерѣ, нежели въ выборѣ предметовъ. Потомъ при-

влекаетъ насъ величественный Моралесь, произведенія коего названы божественными; знаменитый Козалло, копорымъ столь великолѣпно украшена ризница Эскуріальская; Наварешпъ, глухонѣмой живописецъ, извѣстный мастерскими картинами во дворцахъ Королевскихъ. — Въ заключеніе подивимся палантамъ Жуана Іонеса, сего Испанскаго Рафаэля; рисунокъ, характеры, благородство въ изображеніяхъ, все дѣлаетъ его достойнымъ имѣть столь великое названіе. — Музеумъ обладаетъ премо превосходными картинами Жуана: Ессе home, пайная вечеря, и мученикъ Св. Стефанъ. — Наслаждаясь зрѣніемъ сего превосходнаго художника, всякой любитель почтеть необходимымъ посѣпить опчизну его Валенцію, гдѣ находится полное собраніе картинъ Жуана Іонеса.

Вторая и претія зала занимаютъ въ себѣ картины: Гойя, историческаго и ландшафтнаго живописца; замѣчательнѣ прочихъ: — выкупъ Испанцевъ изъ плѣна варваровъ и видъ города Кадикса, Рафаэля превосходная композиція, извѣстная подъ именемъ: *Spirito di Sicilia*. Такъ же изъ собранія картинъ Нидерландской и Нѣмецкой Школы заслуживаетъ особенное вниманіе Албрехтъ Дюреръ.

Въ анпикахъ Музеумъ имѣетъ еще большой недоспапокъ; прекрасная группа Касторъ и Поллуксъ, Фаунъ ѣдущій на козѣ и нѣсколько другихъ, вынесенныхъ изъ погребовъ С—тъ Илде-

фонса и Королевскаго замка составляютъ все сіе богатство.

д) ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Chefs d'oeuvre du Siécle de Louis XIV. Подъ симъ названіемъ выдалъ въ свѣтъ книгопродавецъ Эгронъ собраніе отличнѣйшихъ произведеній вѣка Людовика XIV, именно: трагедіи Цинну Корнеля, Гофолію Расина, комедію Мизанпропъ Мольера, Сапиры Буало, многія басни Лафонпена, нѣкопорыя Оды Ж. Б. Руссо, Сонеть Дебаро; 10^е письмо Паскаля, шакъ же его мысли; надгробную рѣчь Боссюэпа Генріетпѣ Англійской и Флешье надъ прахомъ Тюрени; два отрывка изъ Телемака, нѣсколько писемъ Гжи Севинье, Характеры Лабрюйера, и путешествія Грамонша въ Ліонъ, Гамильпона. Это сокровище Французской Литтературы состоить изъ 13 печатныхъ листовъ.

L'abeille de la Gironde. Подъ симъ названіемъ явилось въ Бордо новое періодическое изданіе, которое занимается особенно художествами, Литтературою и театромъ.

Archive des decouvertes et des Invactions nouvelles: всякой годъ оппечатывается шомъ сего Архива. Издатели собирають въ шеченіи двѣнадцати мѣсяцовъ всѣ новѣйшія изобрѣшенія и

открытія, разсѣянные въ разныхъ Французскихъ, Испальянскихъ и Нѣмецкихъ журналахъ. — Эпопъ журналъ есть богатая мина изобрѣпательныхъ Геніевъ, и Парижская публика съ охотою разкупаепъ многочисленные экземпляры онаго у Трейшеля и Вюрца.

Пишущъ изъ Макао, что извѣстный Моррисонъ издалъ Кипайскій словарь; расходы приняла на себя Остъ-Индская Компанія. Словарь состоипъ изъ трехъ часпей: первая есть Грамматика сего языка, вторая словарь Англійско-Кипайскій, третья Кипайско-Англійскій.

е) О СТРАННОСТЯХЪ УЧЕНЫХЪ.

Профессоръ Яковъ Марпорелли, въ Неаполѣ, написалъ пространную комментарію на чернилицу, которая найдена въ Порпичи. Она имѣла видъ септигона, и чрезъ то означала аллегорически семь дней недѣльныхъ. Сочиненіе имѣло шигуль: „De regio thesa calamaria, sive „melandocho,“ и соспояло изъ двухъ полстпыхъ помовъ, каждый въ тысячу спраницъ. — Въ послѣдствіи многіе математики занимались изслѣдованіемъ: „сколько Марпорелли высушилъ „чернилицъ на сію огромную комментарію! !“

Извѣстный Камперъ, почиталъ особливою важностью писанъ разныя сочиненія о *башмакахъ*!!

Стихотворецъ Скарронъ такъ влюбился въ руки Герцогини А * * *, что написалъ въ честь ея стихотвореніе, въ которомъ признавался: „Я бы почелъ себя счастливейшимъ смертнымъ, когда бы получилъ *пару оплеухъ* отъ вашихъ прекрасныхъ ручекъ!“

Замѣчено, что хотя Пепраркъ воспѣлъ свою Лауру въ 320 Сонетахъ и 88 Романсахъ; но совсѣмъ тѣмъ, ни въ одномъ стихѣ не упоминалъ про *нось* любезной. Одинъ Италіанскій ученый, стараясь разрѣшить эту загадку въ 1581 году, написалъ изслѣдованіе, которое окончилъ такимъ результатомъ: „что прелестная Лаура—была *курноса*.“ (*naso scavezzo*).

Славный юристъ Новиціанъ въ своемъ сочиненіи (*Sylvæ nuptialis, Libri sex. 1752*) такъ сильно писалъ проптивъ женщинъ, что раздраженный красавицы въ Туринѣ упросили Герцога, посадить юриста въ тюрьму. Приговоръ подписанъ, и прелестный полъ провожалъ Адвоката камнями до пемницы. Просидя нѣсколько времени, Новиціанъ выпущенъ былъ изъ подъ ареста и его принудили, при всемъ собраніи дамъ

раскаянься на колѣнахъ въ своемъ пресупленіи.

Франць Кациманнусъ поднесъ Королю Французскому, Генриху III, сочиненіе соспоящее изъ 800 томовъ, въ копоромъ содержалось все то, чему можеть выучиться человекъ; — на противъ, другой мудрецъ поднесъ тому же Королю маленькую карпочку, на копорой уписаль всѣ науки, искусства знанія!!

Ж) РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно пропаль въ Лондонѣ слуга одного знатнаго Лорда и унесъ съ собою лучшее плашье господина, и также увель его верьховыхъ лошадей. — Лордъ хотѣль уже подасть объявленіе въ Полицію, — но бѣглець являешся, проситъ извиненія у господина и рассказываетъ, что его выбрали радикальные Президентомъ, для поднесенія поздравительнаго адреса. Принявъ на себя это званіе, онъ ни какъ не могъ обойтись безъ параднаго плашья, хорошихъ лошадей и для того вздумаль воспользовашся хозяйскимъ имуществомъ.

Nouveau Journal de médecine, Том VIII, рассказываетъ, что Доктору Обану по многимъ препяпствіямъ наконецъ удалось ввести въ Кон-

станшинополь употребленіе коровьей оспы. — Не смотря на предрасудки, Обанъ увѣрилъ Турокъ въ пользѣ этого спасительнаго средства, и получилъ за то дорогую медаль отъ Медицинскаго общества въ Марсели.

Одинъ Французъ, который снялъ у своего пріятеля ресторацію, чрезъ недѣлю со всѣмъ обанкрутился и, видя свое несчастіе, написалъ на дверяхъ штакшира: „Я сдѣлалъ худую спекуляцію.“ — И повѣсился въ оныхъ.

Профессоръ Видалъ нашель новое искусство *Нотографіи*, которое гораздо лучше и способнѣе Тахнографіи и Спенографіи. Знаки его не такъ многосложны, и состоятъ изъ однѣхъ почекъ, запясыхъ и выгнутыхъ линій. — Изобрѣташель очень легко пишеть ноты сими знаками. —

Между полезнѣйшими открытіями замѣшимъ слѣдующее: Г. Девареннъ и Левассеръ нашли химическій составъ, которымъ покрывалъ декорации и прочія театральныя вещи, совершенно предохраняли ихъ отъ пожара и дѣлали оныя несгораемыми. —

зашься о преимуществѣ въ бѣганіи, а на другомъ сраженіе Ценсавровъ и Лапиоовъ. Двери на коихъ изображены нѣкоторыя подвиги Иракловы, были мѣдныя. Мраморныя дощечки, обдѣланныя на подобіе черепиць, покрывающъ верхъ. Надъ каждымъ фронтономъ поставлена мѣдная позлащенная побѣда; на каждомъ углу находящія большіе изъ того же металла вызолоченныя сосуды.

Храмъ раздѣляется столпами на три части. Въ немъ, какъ и въ преддверіи, находится великое множество приношеній, посвященныхъ благочестію и признавательности; но взоры, не останавливаясь на сихъ предметахъ, быстро спремьшя на испуканъ и престоль Юпитера. Сіе превосходное произведеніе Фидія и собственно ваянія, раждаетъ при первомъ взглядѣ впечатлѣніе, которое при подробнѣйшемъ разсмаприваніи еще болѣе увеличивается.

Самъ Юпитерь сдѣланъ изъ золота и слоновой кости; изображенъ сидящимъ, и головою своею достигающъ почти до потолка. Въ правой рукѣ держитъ побѣду, также изъ золота и слоновой кости, въ лѣвой скипетръ изящной работы, украшенный различными богатыми металлами и на верху коего орель. Обувь изъ золота, такъ какъ и одежда, на которой вырѣзаны живошныя, цвѣты, а по большой части лиліи.

Пресполь ушверждень на чепырехъ ножкахъ и сполпахъ, между ими споящихъ и туже вышину имѣющихъ. Самыя драгоцѣнныя вещеспва и превосходнѣйшія художества какъ бы совокупными силами украсили его. Повсюду видно золото, слоновая кость, черное дерево и дорогие каменья, вездѣ живопись и выпуклыя изображенія (*bas reliefs*).

Чепыре шаковыя же покрывають со внѣшней спороны каждую изъ переднихъ ножекъ. Первое представляеть чепыре побѣды въ видѣ пляшущихъ жень; второе сфинксовъ, кои похищаютъ Ѡивскихъ юношей; шретіе Аполлона и Діану, поражающихъ своими стрѣлами дѣшей Ніобы; а послѣднее изображаетъ еще двѣ побѣды.

Фидія не оставилъ ни малѣйшаго мѣста безъ украшенія. На чепырехъ переспановкахъ, связывающихъ ножки у престола Юпитерова, я насчиталъ придцать семь изображеній: иныя представляють борцовъ, иныя сраженіе Иракла съ Амазонками и птому подобное. Надъ головою Юпитера, въ верхней части престола, съ одной спороны видны при богини годовыхъ времянь рожденныхъ опъ Ѡемиды. На ступеняхъ и основаніи, на копоромъ ушверждена сія огромная тяжесть, представлено множество другихъ выпуклыхъ изображеній, сдѣланныхъ большею частію изъ золота и означающихъ небожителей. У ногъ

Юпинера положена слѣдующая надпись: *Я есмь произведеніе Фидія, Аѳинянина, сына Харлидова Художникъ, кромѣ своего имени, дабы содѣлать безсмертными память и красоту юноши друга своего Панпаркеса (*), вырѣзалъ и его имя на одномъ пальцѣ Юпинера.*

Къ престолу не лзя подойти такъ близко, какъ бы желалось. Вокругъ его на нѣкоторое разстояніе поставлены перила, украшенныя превосходною живописью работы Памена, ученика и сродника Фидіева. Это самый топъ, которому вмѣспѣ съ Колопомъ, другимъ ученикомъ сего великаго мужа поручены были главныя подробности сего превосходнаго произведенія. Говорящъ, что по окончаніи онаго Фидій снялъ бывшій на немъ покровъ, совѣщовался со вкусомъ цѣлаго общества и сообразовался со мнѣніями народа.

Великость предпріятія, богатство вещества, превосходство работы, удачное согласіе всѣхъ частей поражаютъ cadaго; но еще болѣе удивляетъ та высокая выразишельность, которую художникъ умѣлъ присвоить головѣ и лицу Юпинера. Кажется, самое божество напечатлѣно здѣсь во всей славѣ могущества со

(*) Надпись была слѣдующая: *Панпаркесъ прекрасенъ* Ежели бы кто вздумалъ вмѣнить сіе Фидію въ преступленіе, онъ могъ бы оправдаться, сказавъ, что похвала сія относится къ Юпинеру: слово панпаркесъ знаменуетъ того, который для всего достаточенъ.

всею глубокою мудростию и совершенною крепостию милосердія. Прежде художники изображали владыку боговъ чертами обыкновенными, безъ изъявленія въ немъ превосходства и опличительнаго свойства. Фидій первый, пакъ сказавъ, постигнулъ божеское величіе, и умѣль внушить народамъ большее уваженіе, содѣлавъ для нихъ видимымъ того, коего они обожали. Изъ какогожь источника почерпнулъ онъ сіи высокія понятія? Стихотворцы сказали бы, что онъ возносился на небо, или божество низходило на землю; но онъ отвѣчалъ весьма просто и благородно тѣмъ, копорые его о томъ вопрошали: приведя стихи изъ Омира, въ копорыхъ сей стихотворецъ сказалъ, что Юпитерь единымъ взоромъ можетъ поколебать Олимпъ. Сіи стихи, возбудивъ въ душѣ Фидія образъ истинныя красоты, копорую могъ только постигнуть человекъ великихъ дарованій, произвели Юпитера Олимпійскаго; и каковъ бы ни былъ жребій господствующей вѣры въ Греціи Олимпійскій Юпитерь будетъ всегда служить образцемъ арписцамъ, желающимъ достойно изобразить верховное Существо.

Элеане знаютъ цѣну памятника ими обладаемаго; они и нынѣ показываютъ еще иностранцамъ рабочую Фидія. Они осыпали благодареніями попомковъ сего великаго художника и препоручили имъ наблюденіе и храненіе Юпи-

перова испукана во всемь его великолѣи. Такъ какъ храмъ и священная ограда находящяся на мѣспѣ болописпомъ, по единственное средство употребляемое къ сохраненію слоновой кости отъ сырости, состоипть въ часпомъ изливаниі масла у подножія престола, на ту часть помоспа, кошорая къ сему назначена. —

Стокгольмъ, 28 Ноября Н. С. Чрезвычайный Комитетъ съ учрежденіи финансовъ Королевства имѣлъ сегодня первое засѣданіе подь предсѣдательствомъ Короля.

Вашингтонъ, 22 Окт. Н. С. Члены Конгресса начинаютъ съѣзжаться. Засѣданіе начнется 15 будущаго мѣсяца. Сему Конгрессу предложень будетъ пракшанъ, рашификованный Королемъ Испанскимъ, касательно уступки Флориды.

Новый Йоркъ 18 Ноября. Н. С. Выборъ въ Ораторы Палаты представителей палъ на Вильяма Тайлора, который имѣлъ большинство 4 голосовъ противъ своихъ соперниковъ.

Извлеченіе изъ рѣчи, произнесенной на Конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ Президентомъ онаго Жамесомъ Монроэ.

„Публичный долгъ нашъ въ 1815 году проспирался до 158 милліоновъ 715,049 долларовъ. 30 Сентября 1820 года онъ заключается въ 91,993,883 долларахъ. Такимъ образомъ оный въ продолженіи сего времени уменьшился до 66 милліоновъ 879,165 долларовъ.

„Во все сіе время расходы Правительствва были удовлетворяемы по всѣмъ часпямъ управленія; многія публичныя зданія сего города (Вашингтона) оканчаны; во многихъ мѣснахъ заложены и сдѣланы укрѣпленія, построены и снабжены арсеналы и магазины, морская сила ум-

ножена и увеличена самыми артиллерійскими орудіями.

„Уплата споль великой части долга и оправленіе чрезвычайныхъ работъ могутъ дать вѣрное понятіе объ обширныхъ источникахъ нашего богатства. Надобно согласиться, что ихъ составляютъ не паксы и акцизы, которые уничтожены въ концѣ послѣдней войны, но совсѣмъ другіе предметы, оныхъ которыхъ былъ получаемъ доходъ.

„Ежегодные доходы Казначейства до 30 Сентября проектировались до 16,794,107 долларовъ, а расходы до 16,871,554 долларовъ.

„Надобно къ сему справедливо прибавить, что доходы Казначейства умножаются чрезъ продажу общественныхъ земель до 22,996,545 руб.“

Потомъ Президентъ говорилъ о различныхъ укрѣпленіяхъ, которыя надлежитъ построить для безопасности Соединенныхъ Штатовъ, объ Индѣйцахъ, съ которыми они всегда въ мирѣ и о средствахъ привести ихъ въ гражданское образованіе.

Окончаніе относилось до Варварійцевъ, потому что эскадра Соединенныхъ Штатовъ находилась въ Средиземномъ морѣ, нѣкоторыя суда есть на моряхъ Индѣйскихъ, на Тихомъ и Атлантическомъ, для покровительства торговли. Наконецъ часть морской силы послана въ Африкѣ, чтобы споспѣшествовать договору съ Неграми.
